

Всё по существу, и тем не менее...

**Рецензия на книгу: Никулин В. Н. Управление крестьянами Сибири (вторая половина XIX — начало XX века).
Калининград: Издательство БФУ им. И. Канта, 2025. — 399 с.
ISBN 978-5-9971-1008-6**

С. И. Толстов

Сергей Иванович Толстов, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России и методики обучения обществознанию, историко-филологический факультет, Томский государственный педагогический университет. 634061 г. Томск, ул. Киевская, 60. E-mail: shpakras@mail.ru

EDN: YZYKTC

Историческая наука все-таки имеет и прикладные задачи, которые подразумевают не просто познание прошлого, но и изучение исторического опыта для решения современных управленческих проблем. Хотя приходится констатировать, что отечественные историки уже устали от политической невостребованности своих исследований, превращения их результатов в пустую формальность, типа «важно» или «интересно». В рамках корпоративной исследовательской солидарности можно было бы согласиться с таким положением, но только не в случае с монографией доктора исторических наук Валерия Николаевича Никулина «Управление крестьянами Сибири (вторая половина XIX — начало XX века)», изданной в Калининграде в издательстве БФУ им. И. Канта в 2025 году.

Название работы уже рождает эмоционально-эвристическое желание ее проштудировать как раз в силу не мнимой, а настоящей актуальности и научной значимости заявленной темы, ибо вряд ли кто-то сегодня будет оспаривать факт поворота внешнеполитической стратегии Российской Федерации на Восток, что предопределяет интенсификацию вторичной колонизации Сибири. В этой связи, чтобы государство не утратило субъектность в управлении территорией, для современных управленцев будет не лишним исторический опыт управления крестьянами в Сибири, колонизация которыми этого громаднейшего региона, собственно, и сделала его де-факто российским. Тем более когда на всех уровнях иерархии безрезультативно, если не сказать — контрпродуктивно, перманентно реформируется система местного самоуправления.

К тому же нарратив о крестьянине России важен всегда, его невозможно исчерпать, ибо крестьянин — ее кормилец. По выраже-

нию видного современного аграрного историка В. В. Кондрашина, именно «за счет его труда, терпения, жертв и подвигов Россия сохранена и ныне существует как независимая и мощная держава при всех ее невзгодах и проблемах»¹. Поэтому объект исследования — сибирские крестьяне и предмет — управление ими действительно важны для исторического изучения. Хронологические рамки также весьма интересны — это время накопления предпосылок системного управленческого срыва в Российской империи в 1917 году.

В. Н. Никулин уже в первом абзаце введения очень лаконично, но многозначительно обозначил свой теоретико-методологический подход, совершенно верно полагая, что власть — это реализуемая на практике способность управлять, а потому рассматривает ее только как предназначенную «для защиты экономических, политических и социальных интересов господствующего класса» (с. 4). Колоссальный фактический материал, как из опубликованных источников, так и из архивов, интерпретируется им сквозь призму антитезы «крестьянство и власть». Не будем оспаривать данный выбор автора, важно уяснить, насколько он продуктивен в понимании системы управления сибирскими крестьянами второй половины XIX — начала XX века.

Аннотация к книге наряду с тем, что вызывает профессиональный интерес к ней, кратко, но предельно емко говорит о содержании монографии: «Впервые предпринято изучение управления крестьянами Сибири второй половины XIX — начала XX в. в территориальных рамках Тобольской, Томской, Енисейской и Иркутской губерний, а также Забайкальской области. Охарактеризован политический курс самодержавия в отношении сибирского крестьянства, показано правовое положение крестьян, изложено содержание осуществленных административных преобразований и их влияние на социально-экономическую ситуацию в сибирской деревне. Исследована структура высших, центральных и местных органов государственного управления крестьянами, обрисована их практическая деятельность. Значительное внимание уделено институтам мировых посредников, чиновников по крестьянским делам, крестьянских начальников, их взаимоотношениям с сельским населением Сибири. В отдельную главу выделен материал о сельском и волостном крестьянском самоуправлении. Определена ведущая тенденция в развитии органов крестьянского самоуправления». По нашему мнению, приведенная цитата уже провоцирует профессиональный позыв высказать свое мнение о монографии.

Историография сибирского крестьянства данного периода богата, но в управленческом преломлении и в такой географической полноте крестьяне Сибири, пожалуй, действительно впервые заявлены к изучению. Будучи продолжателем мощной новосибирской

1. *Кондрашин В. В.* (2024). Российская деревня в условиях индустриальной модернизации. М.: РОССПЭН. С. 66с.

историографической школы изучения крестьянства, автор точно подмечает, что Сибирь как объект унификации с общероссийскими порядками в пореформенный период была и сложной, и «инаковой» Россией — без вотчинной власти помещиков. На огромных сибирских просторах в результате вольной и невольной колонизации на протяжении более двух с половиной веков сложился тип русского крестьянина-старожила со свобододолюбивой ментальностью. Имперскому центру действительно тяжело приходилось распространять на Сибирь практику формирования из бывшего крепостного «свободного сельского обывателя», ибо здесь жители фактически таковыми и были всегда.

Крестьянская реформа реализовывалась в Сибири сравнительно легко, относительные трудности имели место на кабинетских землях. Серьезные издержки земской и судебной реформ в отношении крестьян Европейской России, приведшие к созданию института земских начальников, оказались менее актуальны для сибирской, особенно старожильской, деревни. Несмотря на относительную болезненность восприятия аналогичного по функциям института крестьянских начальников в Сибири, он не был отторгнут, поскольку переселенцы, которые в начале XX века уже начинали количественно доминировать, были к нему предрасположены в силу привычной им опеки государства. Старожилы же предпочитали дистанцироваться от власти, пытались адаптировать очередной чиновничий институт под себя, вынуждая государство строить отношения с ними на балансе интересов. Кстати, переселенцы порой перенимали навыки старожилов психологически абстрагироваться от назойливого постороннего управленческого воздействия.

Автором тщательно описаны «лица власти» — мировые посредники и сменившие их крестьянские начальники. Если первые, по его мнению, еще вселяли надежду на просвещенное попечительство в отношении крестьян, то вторым он категорически отказывает в каких-либо положительных коннотациях: они становились «полновластными хозяевами на местах. В их руках концентрировалась и административная вертикаль, и судебный молоток, а в злоупотреблениях властью и хищениях крестьянские начальники превзошли своих предшественников» (с. 182). Негативная характеристика крестьянских начальников подкреплена автором эмпирически. Вот как исследователь это объясняет: зачастую это были люди, оказавшиеся в Сибири не по своей воле, и служба была им в тягость. Они в массе своей являли собой психологическую смесь апатии и деспотизма, и коли власть их была непосредственна, велика и не подконтрольна, то они ею злоупотребляли по определению.

Надо сказать, порой историк попадает под сильное влияние источников: например, некритически транслирует демократическую и либеральную публицистику того времени, утрированно оценивавшую деревенскую действительность. Однако при этом забывает, что у публицистов, критикующих систему управления

крестьянами Сибири, защита интересов крестьян была вторична по сравнению с борьбой с самодержавием как таковым. Таким образом, вольно или невольно Валерий Николаевич включается в непрекращающийся исторический спор об оценке догоняющей модернизации и — как следствие — о вариантах модернизации системы государственного управления, способной эффективно мобилизовать ресурсы страны. В качестве противоположного приведем мнение профессора Кондрашина, который считает, что в Сибири все-таки был «слой крестьян, поддержавших аграрную политику в целом»².

На фоне некоторой тенденциозности презентации института крестьянских начальников сельская община характеризуется историком парадоксально независимой. Как утверждает автор, несмотря на стремление власти ее полностью подчинить, она оставалась автономной, устойчивой в своем стремлении организовывать социально-экономическую жизнь деревни так, чтобы отдельный крестьянин не оказался один на один с все возрастающей мощью государственного аппарата. Если по отношению к старожильской деревне подобные практики еще можно объяснить «укорененностью», то переселенческая деревня вряд ли могла быть относительно свободной, не будь в этом интереса и самой власти. Универсальный постулат управленческой теории гласит, что низовой уровень системы будет эффективным, если удастся его ввести в режим самоуправления. В случае с сибирской сельской общиной, когда ей не было нужды заниматься периодическими земельными переделами, власти достаточно было ее просто не разрушать. Сельские старосты вовсе не были просто помощниками полиции в случае возникновения проблем с взиманием податей и повинностей. Хлесткая оценка места и роли сельских старост как находившихся «между молотом и наковальней» — констатация существования адекватного посреднического звена в механизме взаимодействия государства и крестьянского самоуправления. К тому же, по мнению самого же автора, «сельский староста был прочнее связан с крестьянством, чем представители волостной администрации», двойственная природа которой также раскрывается в монографии (с. 242, 186).

В. Н. Никулин исследует управление сибирскими крестьянами в рамках социальной политики самодержавия, которое в этот период рассматривало русское крестьянство в качестве сословной социальной опоры, для чего важно было унифицировать управление ими. И в этой связи описывать мотивы реформирования системы управления крестьянами России вообще, и сибирскими в частности, только как попытку стабилизировать сбор податей, налогов и выполнения повинностей, слишком узко. Впрочем, надо отдать исторiku должное: в этой части он предпринял значительные усилия, осуществил скрупулезный анализ. Однако тезис о том, что по мере распространения на Сибирь общероссийского порядка ухудши-

2. Кондрашин В. В. Указ. соч. С. 106.

лось положение местных крестьян, представляется некорректным (с. 250). В изучаемый период, решая проблему малоземелья крестьян Европейской России, правительство целенаправленно переселяло их в Сибирь, результатом чего стало численное доминирование в сибирской деревне переселенцев. К тому же сам автор констатирует, что переселенцы в массе своей, прежде чем обзаводились своим хозяйством, нередко работали по найму у старожилов. Тяжелое материальное положение крестьян-переселенцев было временным. Стоит упомянуть и еще одно обстоятельство, порой ускользающее от историков: в середине XIX века в Западной Сибири и на смежной территории завершился трехсотлетний малый ледниковый период, средняя температура по году увеличилась на 1,5 градуса. Следствием этого стало увеличение урожайности сельскохозяйственных растений и расширение пригодных для заселения крестьянами незатапливаемых земель³. Думается, и поэтому говорить об ухудшении положения крестьян Сибири нужно осторожнее.

А вот вывод о том, что в результате переселенческой политики самодержавия в благоприятных для сельского хозяйства районах Сибири уже невозможно было мириться с захватной формой земледелия, в связи с чем было введено административное нормирование площади земельных участков (15 десятин на крестьянский двор), и это привело к усилению власти чиновников, не только логичен, но убедительно подкреплён эмпирическим материалом. Хотя переход от захватной формы землепользования к регулируемой еще не оказал принципиального воздействия на хозяйственную деятельность сибирских крестьян в целом, но эволюция административных органов (мировые посредники, чиновники по крестьянским делам, крестьянские начальники) не без основания объясняется специфическими сибирскими обстоятельствами. Между тем вряд ли можно согласиться с априорным тезисом об антагонистическом характере противоречий между властью и сибирским крестьянством, даже если смотреть на данный вопрос с классовых позиций. Тем более, несмотря на усиление бюрократического контроля за крестьянами, роль крестьянского самоуправления была настолько велика, что сельская община в системе управления была определяющей не только в старожильской деревне, но воспроизводилась как таковая и в переселенческой. А крестьянской общине исторически свойственно всячески устанавливать взаимовыгодные отношения с государством. Одним словом, повторяемся, у власти не было оснований рушить этот институт в условиях достаточности земли.

С точки зрения элементарного управленческого подхода, община была объектом государственного управления, и подобное

3. Малолетко А. М. (2003). Западная Сибирь в малую ледниковую эпоху (1550–1850 гг.) // География и природопользование Сибири. Вып. 6. Барнаул. С. 8–25.

звено во взаимоотношениях с властью как субъектом управления было необходимо. То, что автор позитивно трактует слом всей системы управления крестьянами Октябрьской революцией, говорит о предвзятости его взгляда на власть. Следует иметь в виду, что в представлении самих крестьян власть, за исключением реальных обладателей административных рычагов, абстрактна. Но справедливости ради отметим, насколько ярко, с опорой на свидетельства современников, Валерий Николаевич презентует еще одно «лицо власти» — волостных и сельских писарей: «В руках писаря реально сосредоточивалась вся распорядительная и исполнительная власть» (с. 224).

Ожидаемо следует логике социального прогресса В. Н. Никулин и при характеристике функционального предназначения сибирской общины. Она, в его представлении, являлась не столько организатором хозяйственной деятельности крестьян или саморегулируемой социальной единицей в специфических сибирских условиях, сколько оплотом в ведении целенаправленной «тихой войны» с властью при реализации ею фискальной политики. Вместе с тем невозможно не признать, что автор описывает арсенал, согласно крестьяноведческой терминологии, «оружия слабых» настолько подробно, что подвергать сомнению эту сторону крестьянского мира не приходится. Автору удалось показать своеобразие распространения на сибирских крестьян, к примеру, судебной реформы, их реакцию на нее. Все-таки в Сибири крестьяне, несмотря на жесткую политику всей вертикали власти по навязыванию юридических норм, с особым упорством обращались к покровительству общины, предпочитая выходить из конфликтов, разбираясь не по закону, а «по обычаю», по совести — даже и в начале XX века. Неужели у этого феномена только классовая природа?

С позиции классового подхода исследуется и переселенческая политика П. А. Столыпина. Логично, что акцент сделан на ее управленческом аспекте и эффективности для Сибири, земельный ресурс которой позволял решать проблему малоземелья крестьян европейской части России. В Сибирь прибывали крестьяне, предрасположенные, в отличие от сибирских старожилов, к патерналистской политике государства, и их императивным требованием было не только финансово-экономическое обеспечение переселения, но и социальная инфраструктура. Школы и больницы действительно строились, наполнялись кадрами, но с катастрофическим опозданием. Элементарно не хватало и землеустроителей, судей. Вся система управления крестьянами работала с перенапряжением, конфликты между «своими» (старожилами) и «пришлыми» за землю гасились в ручном режиме. Картина великого заселения Сибири, приведшего к существенному переформатированию сибирской деревни, рисуется довольно-таки реалистично.

Особое внимание нужно обратить на то, что автор всю социальную напряженность квалифицирует, по сложившейся в советской

историографии традиции, как вторую социальную войну. Такой взгляд на противоречия между зажиточными и бедными представляется утрированным, поскольку, как правило, к первым принадлежали старожилы, а к вторым — переселенцы, для которых работа по найму на начальном этапе была временной, с целью обзавестись своим хозяйством. Иными словами, эти противоречия носили скорее социокультурный характер. Ортодоксальная трактовка аграрного вопроса в России в начале XX века в контексте того, что прежде называлось марксистско-ленинской методологией, наверное, в какой-то мере еще целесообразна для понимания и осмысления прошлого и не вполне исчерпала себя. Однако подчеркну серьезную ограниченность такого подхода при изучении данной проблематики.

Дело в том, что сложная ситуация в аграрной сфере в Сибири той поры видится сегодня куда более многогранно, нежели во времена господства теоретической конструкции о наличии в российской деревне двух социальных войн: крестьян с помещиками и бедных крестьян с зажиточными. Опираясь при анализе Столыпинской аграрной реформы на теорию «моральной экономики» крестьянства, некоторые современные историки пишут о том, что это были не две войны, а одна — против превращения земли в предмет купли-продажи и рыночной спекуляции. А уж кто выступал в качестве двигателя такого превращения — часть помещиков, пренебрегавших в пореформенный период своими традиционными («морально-экономическими») обязанностями перед своими крестьянами, или некоторые односельчане, стремившиеся использовать новые возможности в поземельных отношениях с целью сделать свой статус зажиточных («кулаков») наследственным — это второй вопрос. Сомнительной представляется и прежняя трактовка укоренения элементов товарно-денежных отношений в российском сельском хозяйстве как одного из проявлений социально-экономического прогресса, в связи с чем российская общинная деревня в массе своей предстает как сугубо консервативная сила.

В этой связи использование формулы о двух социальных войнах для понимания противоречий в сибирской деревне представляется неудачной. Кроме того, следует заметить, что, несмотря на богатый фактический материал, который служит автору для подтверждения этой теории, множество фактов в монографии скорее ее опровергают. Так, при описании сословного бесправия сибирского крестьянства автор ссылается на следующее мнение крестьянина Фугаева, высказанное на Тюменском уездном совещании о нуждах сельскохозяйственной промышленности: «Телесное наказание действует на подвергнувшегося ему самым удручающим образом, унижая достоинство человека. Наказанный позорно розгами охладевает ко всему, бросает хозяйство, преследуемый насмешками односельчан». Думается, вот этот штрих: «преследуемый насмешками односельчан» свидетельствует о приемлемости данного вида наказания в крестьянской психологии, о смычке общины и власти в до-

стижении известного уровня социально-экономической дисциплины в деревне (с. 86–87). Ведь в определенных пределах крестьянство в массе своей лояльно власти.

В доказательство того, что преобладающей была все же нелояльность, автор приводит меткие, яркие пословицы: «Маленький чиновник хуже лихорадки», «Попадешь к заседателю в руки — натерпишься муки» (с. 131). Но на страницах монографии достаточно свидетельств того, что основным ориентиром для социального поведения крестьян были некие общепринятые морально-этические нормы, на обязанности считаться с которыми они категорически настаивали. В пользу этого говорит, например, приведенный историком «факт избиения крестьянами во время голода 1891–1892 гг. волостного старшины и писаря, ничего не сделавших для голодающих». Оправдывали это крестьяне тем, что те ранее, «когда они были сыты», их обирали (с. 212). Крестьяне таким образом в экстремальных условиях принуждали своих полномочных представителей к соблюдению писанных и неписанных управленческих правил.

Все-таки изучение крестьянства — это не то же самое, что изучение других социальных групп. Крестьянство — особое социальное явление, а не просто один из субъектов исторического процесса, если речь идет об истории такой страны, как Россия. Поэтому крестьянство имеет свойство ломать прогрессистские социально-философские схемы, в рамках которых многие специалисты склонны его рассматривать. По нашему мнению, монография В. Н. Никулина интересна не столько в плане приводимых в ней классовых обобщений и оценочных суждений, сколько тем, что она содержит значительное количество фактов из источников, чтобы человек даже с иными мировоззрением, убеждениями и профессиональным опытом мог разглядеть исторические закономерности.

Трудно не согласиться с автором: система управления сибирскими крестьянами была инструментом самодержавной политики, которая эволюционировала в сторону усиления контроля за взиманием налогов и выполнением повинностей. Но ведь это вполне объяснимо в контексте усложнения управленческих задач в связи с ростом численности крестьян. Одновременно проводилась и попечительская политика, в целом воспринимавшаяся крестьянами как разумная. Социальная политика, в рамках которой Валерий Николаевич исследует управление крестьянами, как раз и предусматривает использование силы власти для нивелирования издержек рыночной стихии. Социальная политика по определению не должна способствовать обеднению людей, что естественно с точки зрения политической целесообразности. В этой связи не следует отождествлять упреки историка в адрес власти, что она сдерживала социальное расслоение в сибирской деревне, тем самым тормозила прогресс, и крестьянские взгляды на свое семейно-трудовое хозяйство,

С. И. Толстов

Всё по существу,
и тем не менее...

когда они руководствуются традиционной культурой, но находятся «в маргинально подчиненном положении к государству и городу»⁴.

Согласно аннотации, монография адресована специалистам-историкам, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей своего Отечества. Вне всякого сомнения, это так. Но к этому хотелось бы добавить особую категорию заинтересованных адресатов — это краеведы-любители. Сегодня в стране высок интерес к сельскому краеведению, оно становится не только способом ностальгического удовлетворения естественной человеческой потребности в памяти о малой родине, о старших поколениях своих родственников и земляков, но также и эффективным инструментом патриотического воспитания подрастающего поколения. Краеведам при использовании огромных массивов новой первичной информации порой недостает региональных исследований, способных логически выстраивать локальный материал. В монографии В. Н. Никулина концентрация эмпирического материала в конечном итоге оказалась важнее обобщающего фона и в этом отношении она и своевременна, и уместна, и своеобразна, и оригинальна, и, конечно же, полезна.

Everything is to the point but...

Review of the book: Nikulin V. N. Management of the Peasantry in Siberia (Second Half of the 19th — Early 20th Century), Kaliningrad: Immanuel Kant Baltic Federal University Publishing House, 2025. 399 p.

Sergey I. Tolstov, PhD (History), Associate Professor, Department of Russian History and Methods of Teaching Social Science, Faculty of History and Philology, Tomsk State Pedagogical University, Kievskaya St., 60, Tomsk, 634061, Russia.
E-mail: shpakras@mail.ru

4. *Никулин А. М.* (2025). Крестьяноведение и мир: история, утопия и власть. М.: Издательский дом ДЕЛО. С. 11.